

Ваславская Ирина Юрьевна

Михалев Данил Алексеевич

DOI 10.31483/r-139077

РОССИЙСКИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РЫНОК И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ВЫЗОВЫ, СТРАТЕГИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** глава посвящена анализу трансформации российского инвестиционного рынка в контексте обеспечения технологического суверенитета. Рассмотрена переориентация инвестиционных потоков от западных партнеров к странам Глобального Юга. Особое внимание уделяется роли государственной политики в стимулировании инвестиций через реализацию национальных мегапроектов с целью обеспечения технологического суверенитета. Сделан вывод о том, что региональные инвестиции не только позволяют адаптироваться к внешним ограничениям, но и развиваются собственный технологический базис.*

***Ключевые слова:** инвестиции, технологический суверенитет, инновации, технологии, региональная политика, устойчивое развитие, экономическая безопасность.*

***Abstract:** the chapter examines the transformation of Russia's investment market in the context of achieving technological sovereignty. It analyzes the reorientation of investment flows from Western partners to Global South countries. Special attention is paid to the role of state policy in stimulating investments through national megaprojects aimed at ensuring technological sovereignty. The research concludes that regional investments not only help adapt to external constraints, but also foster the development of domestic technological capabilities.*

***Keywords:** investments, technological sovereignty, innovations, technologies, regional policy, sustainable development, economic security.*

1.1. Геоэкономическая переориентация потоков инвестиций

Российский инвестиционный рынок в современных условиях санкционного давления и перехода к модели обеспечения технологического суверенитета претерпевает качественные изменения, которые связаны со сменой приоритетов государственной научно-технологической политики. Традиционно инвестиционный рынок зависим от притока внешнего капитала и экспорт-ориентированных отраслей, но в современных условиях был вынужден переориентироваться на внутренние источники финансирования и открыть для себя новые потенциальные источники капитала. Как справедливо подчеркивают Д.К. Чистилин и С.А. Переход, в условиях внешнеэкономического давлениями и санкционного бремени Россия обладает правом на введение мер, которые ограничивают отток капитала, наносящий ущерб национальной экономике. Такие шаги представляются не только политически целесообразными, но и подкреплены экономической теорией, что также подтверждается многолетним международным опытом реализации политики государственного регулирования движения капитала [22, с. 236].

Заметим, что наблюдается ускоренное формирование устойчивых инвестиционных связей с рядом стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, которые обладают не только демографическим потенциалом, приравненным к человеческому капиталу, но и растущим спросом на российские технологии, производственные мощности и ресурсы. Геоэкономическая логика так называемого «южного вектора» предопределяет не просто переориентацией экспортных и инвестиционных потоков, но и глубокую реконфигурацию институтов международного сотрудничества в различных сферах экономики. Так, например, В.Б. Кондратьев указывает, что стремительный и устойчивый рост Азии превращает ее в крупнейшую «региональную экономику» мира. Рост потребительского рынка сопровождается структурными изменениями, а все более углубляющаяся совместная интеграция стран региона отражает переход от глобализации к регионализации. Азия усиливает свое влияние и становится ключевым драйвером мирового развития, формируя основы «азиатского столетия» [14, с. 113].

Особое значение в сложных геоэкономических условиях приобретают международные интеграционные платформы, которые способствуют прокладыванию новых маршрутов и созданию альтернативных финансовых структур. Так, например, Банк развития БРИКС (далее – Банк), учрежденный в 2014 году странами-участницами БРИКС, стал одним из инструментов по обеспечению финансового суверенитета и снижению зависимости от западных финансовых институтов. Банк поддерживает инфраструктурные проекты в странах-участницах, формируя параллельную систему кредитования, которая не обременена условиями Бреттон-Вудской системы.

С момента начала своей деятельности Банк одобрил десятки проектов в ключевых секторах экономики, включая транспортную инфраструктуру, энергетику, цифровые нововведения. Россия активно участвуя в инициативах Банка, привлекая его зарубежные финансовые инвестиции и ресурсы для развития отраслей экономики. В сложных условиях санкционного давления и заморозки российских активов подобные механизмы приобретают стратегическое значение, позволяя формировать каналы альтернативного финансирования и сотрудничества, расширяя при этом спектр инвестиционных партнерств.

Наряду с Банком развития БРИКС нельзя не отметить Евразийский Банк развития (далее – ЕАБР), который специализируется на финансировании межгосударственных проектов в рамках ЕАЭС и СНГ. Благодаря своей гибкости и адаптивности ко специфике постсоветского пространства, ЕАБР становится проводником согласованной инвестиционной политики между государствами, продвигая идею технологическую кооперацию между государствами и консолидации капитала в евразийском сообществе.

Финансово-инвестиционные механизмы, формируемые в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), находятся на стадии становления, однако с 2010 по 2015 годы наблюдались инициативы по созданию альтернативных расчетных систем, инвестиционных фондов и платформ для развития и обсуждения проектов «Большого Евразийского партнерства», включая сопряжение с китайской инициативой «Пояс и путь». Заметим также, что в контексте

формирования и развития финансово-инвестиционных механизмов ШОС запланирована международная акселерационная программа, «Бизнес-инкубатор ШОС», которая поможет развитию предпринимательской и инвестиционной кооперации между Россией и Китаем. В 2025 году ее проведение запланирована в Омске и Шанхае. Однако, как отмечает А. Муратбекова, несмотря на преимущественно экономическую повестку, механизм ШОС, укрепляет коллективные усилия государств-участников в противодействии как традиционным, так и нетрадиционным угрозам, при этом не предусматривая взаимных обязательств по военной поддержке [18, с. 155]. Данный тезис несет особую актуальность в виду обострения конфликта между Индией и Пакистаном. Резюмируя автор указывает что, если в качестве базового принципа ШОС сохранится так называемый «шанхайский дух», который предполагает уважение суверенитета стран-членов и развитие сотрудничества на основе согласованных, но некодифицированных норм, то данная организация обладает потенциалом к трансформации в эффективную региональную платформу принятия совместных решений.

По мнению К.В. Бабаева, в современных геоэкономических реалиях страны Центральной Азии как ключевые и наиболее перспективные партнеры России в контексте реализации концепции Большой Евразии, которая предполагает создание широкого интеграционного пространства от Атлантики до Тихого океана, основана на принципах взаимного уважения и устойчивого развития. В это контексте автор указывает, что углубление кооперации с центрально-азиатскими государствами может стать решающим фактором в формировании евразийского экономического каркаса, способного обеспечить политico-экономическую стабильность, логистическую связность регионов [2, с. 110].

При ограниченном доступе к международному рынку инвестиций и высоким рискам для западного бизнеса, российская экономика была вынуждена расширить рамки сотрудничества с альтернативными партнерами, что в последствии благоприятно сказалось на развитии отношений между странами. Так, например, расширилось инвестиционное партнерство со странами Глобального

Юга отметим, что на долю таких стран приходится до 85% населения всего мира и практически 40% мирового уровня ВВП.

По меткому замечанию П. П. Яковлева, сегодня перед Россией стоят две взаимосвязанные стратегические задачи, которые определяют вектор ее экономического развития. Первая – это необходимость глубокой технологической модернизации (обеспечение технологической суверенности) ключевых отраслей, давно требующих технологических новшеств и обновлений. Вторая – формирование своеобразной «нервной системы» внешнеторговых связей с государствами Глобального Юга, которая способна оперативно улавливать сигналы с развивающихся рынков, реагировать на их потребности и последовательно расширять товарно-ресурсную структуру отечественного экспорта [23, с. 61].

Особенно наглядно данные процессы проявляются на региональном уровне, в частности, внешнеторговый оборот регионов Приволжского федерального округа и Китая вырос на 7% за 2024 год, что свидетельствует о растущей роли субъектов РФ в формировании устойчивых каналов внешнеэкономического взаимодействия с государствами Глобального Юга [6]. Заметим, что в рамках технологического суверенитета это указывает на возрастающее значение региональной экспортной специализации и локализации производственных цепочек, интегрированных в международную торговлю.

Диверсификация инвестиционных потоков и создание благоприятной среды для внутреннего (отечественного) инвестора становятся приоритетными задачами государственной политики. В частности, одним из ключевых инструментов является Национальная технологическая инициатива, которая поддерживает более 600 высокотехнологичных проектов на общую сумму свыше 180 млрд рублей [8], что указывает на трансформацию инвестиционной модели России (см. рис. 1).

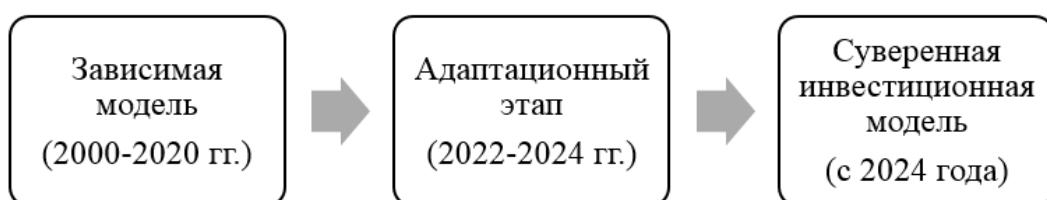

Рис. 1. Геоэкономическая трансформация инвестиционной модели России

Источник: составлено автором

На протяжении 2000 – 2020 годов российская экономика функционировала в рамках экспортно-ориентированной зависимой модели, в основе которой лежала доминанта сырьевого экспорта и масштабного притока западного капитала. В этот период обеспечивалась относительная макроэкономическая стабильность (без учета кризисов 2008 года и COVID-19), что позволяло так или иначе наращивать резервы, поддерживать устойчивость бюджетной системы и привлекать инвестиции преимущественно в топливно-энергетический комплекс [24]. Однако данная модели имела выраженные структурные ограничения, например, высокая зависимость от внешних рынков капитала, слабое развитие внутренних инвестиционных институтов, низкая доля инвестиций в научный сектор. Как следствие, технологическая база страны оставалась импортозависимой и уязвимой.

С началом санкционного давления в 2014 году, а затем и радикального обострения геополитической обстановки в 2022 году, зависимая модель потеряла последние шансы на свою реализацию, что предопределило переход ко второму – адаптационному периоду институционального перелома (2022–2024 гг.). Главной задачей государства в данный период стало сдерживание негативных эффектов, которые влияют на экономику, например, инфляция или ключевая ставка Банка России, от разрыва внешнеэкономических связей и минимизация утечки капитала. Были предприняты экстренные меры институционального реагирования, то есть введены ограничения на трансграничные операции, активизирован контроль за движением капитала, создана механизмы поддержки промышленности, локализации производства и импортозамещения. В рамках этого этапа стали формироваться заделы для новой модели – началось переосмысление приоритетов государственной инвестиционной политики в пользу стимулирования внутренних источников капитала, прежде всего банковских, бюджетных и частных инвесторов (государственные корпорации, пенсионные фонды, региональные фонды развития).

С 2024 года формируется новая инвестиционно-технологическая модель суверенного развития, в которой доминируют задачи достижения технологического суверенитета, мобилизации внутреннего инвестиционного потенциала и партнерства с государствами Глобального Юга. Основной акцент в такой модели делается на стратегические инвестиции в наукоемкие сектора экономики, критическую инфраструктуру, сквозные технологии и цифровые решения.

Таким образом, вектор трансформации инвестиционной модели России – это постепенное движение от зависимой, экспортно-сырьевой модели к внутренне сбалансированной, технологически подкрепленной и институционально защищенной системе суверенного инвестиционного развития, способной не только адаптироваться к внешним вызовам, но и использовать их как окно возможностей для экономического роста. Международные интеграционные объединения становятся не только геополитическими центрами силы, но и важными институциональными механизмами, обеспечивающими устойчивость российской инвестиционной модели в сложных геоэкономических условиях. Они формируют контуры новой архитектуры финансирования, опирающейся на принципы уважения, равенства партнеров и учета суверенных интересов каждого участника, что полностью соответствует курсу на стабилизацию международной экономической ситуации и обеспечения технологического развития.

1.2. Стратегии стимулирования инвестиций в технологический суверенитет

Инвестиционный рынок России стал поддерживать проекты, которые непосредственно соответствуют стратегическим целям импортозамещения, обеспечения технологического суверенитета и в последствии достижения технологического лидерства отраслей экономики России. Особую роль в этой трансформации играют масштабные государственные инициативы.

С 2025 года в Российской Федерации запускается реализация 12 стратегических мегапроектов, которые станут ответом на вызовы сложных геоэкономических условий и внутреннего спроса на технологическую суверенность критически важных отраслей. Такие мегапроекты охватывают: станкостроение, разра-

ботку новых материалов, обеспечение продовольственной безопасности, медицинские технологии, производство беспилотных систем, микроэлектронику, освоение космоса и другие [7]. Их задача – не просто заменить зарубежные технологические решения, но и выстроить устойчивую, суверенную инфраструктуру технологического развития, способную превратится в опору для экономики и стать гарантией долгосрочного экономического роста в современных условиях.

Отметим, что немаловажное значение имеет увязка приоритетов с национальными проектами, например, «Наука и университеты», «Цифровая экономика». Также реализация концепции «Индустрии 4.0» и программам научно-технологического развития. В рамках этого прослеживается связь между инвестиционной политикой, научной повесткой и промышленной политикой.

В декабре 2024 года завершился национальный проект «Наука и университеты», главным достижением которого стала программа обновления научного оборудования. Однако, как отмечает В.Н. Ракин, сохраняются негативные тенденции и тревожно низкая концентрация технологического потенциала в отдельных регионах. Автор также отмечает, что бизнес издательских услуг переходит к автоматизированному выпуску «околонаучных публикаций», и пока результативность ученых измеряется числом статей в журналах, негативные тенденции будут только нарастать [19, с. 29].

С.И. Черных и Д.В. Байбулатова указывают, что новая реальность, связанная со специальной военной операцией, выявила уязвимости экономики и потребовала пересмотра подходов к устойчивости системы. Для независимости ключевых отраслей от иностранных партнеров необходима цифровая трансформация на базе отечественных технологий, что требует четкого целеполагания и финансирования в рамках национального проекта «Цифровая экономика» [21, с. 31].

Концепция «Индустрии 4.0» направлена на внедрение цифровых и интеллектуальных технологий в промышленность с целью повышения ее эффективности и конкурентоспособности. Однако, как указывают Я.И. Ваславский,

И.Ю. Ваславская, возможности реализации преимуществ четвертой промышленной революции ограничены отсутствием универсальных технологических характеристик, применимых ко всем странам. Авторы подчеркивают противоречия между теоретическими предпосылками технологической трансформации и реальными макроэкономическими показателями, что усиливает неопределенность будущего развития социально-экономических систем [3, с. 77].

В целом, анализ показывает, что интеграция национальных проектов «Наука и университеты», «Цифровая экономика» и концепция «Индустрии 4.0» является ключевым фактором для развития научно-технологического потенциала и цифровой трансформации экономики. Вместе с тем сохраняются вызовы для экономики – региональная концентрация ресурсов, рост некачественных научных работ, а также противоречия между теоретическими ожиданиями и реальным экономическим развитием. Отметим, что это обуславливает высокую степень неопределенности инвестиций и требует реализации целенаправленных проектов с учетом национальных интересов и приоритетов России.

Согласно мнению исследователей А.Б. Соколова и В.И. Филатова, инвестиционное обеспечение представляет собой один из ключевых компонентов в достижении технологического суверенитета. При этом особую роль играет не только объем доступных инвестиций, но и понимание структуры ресурсной базы, на которой строятся технологические проекты [20, с. 92].

По мнению Е.Б. Ленчук, целесообразно придерживаться широкого толкования понятия технологического суверенитета, под которым понимается способность национальной экономики и научно-технологического комплекса относительно самостоятельно создавать критически важные и сквозные технологии [15, с. 234].

С нашей точки зрения, технологический суверенитет – это крупное обновление экономической и технологической системы России, основанное на трех ключевых критериях: стабильность, безопасность и инвестиционная привлекательность, именно вместе такие критерии обеспечивают устойчивое экономическое развитие (см. рис. 2).

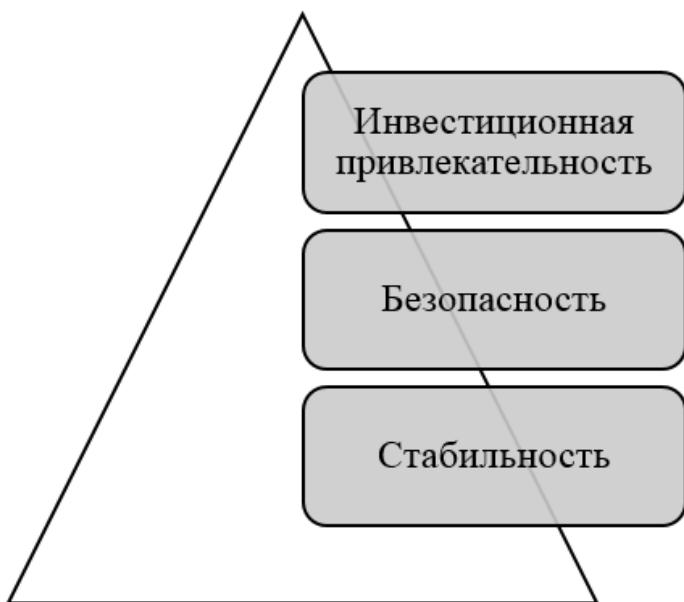

Рис. 2. Триада технологического суверенитета

Источник: составлено автором

Достижение технологического суверенитета связано с обеспечением устойчивого экономического развития, поскольку зависимость от зарубежных технологий и критически важных компонентов повышает уязвимость национальной экономики перед будущим санкционным давлением [4, с. 478]. Инвестиции в научно-технические разработки, стимулирование высокотехнологичного бизнеса приравнивается к стратегически важной дотации ресурсов.

С другой стороны, адаптация инвестиционных моделей под сегодняшние требования, активная поддержка со стороны государства, снижение доли западных финансовых ресурсов и формирование новых экономических отношений (на примере отношений России и Афганистана) позволяют компенсировать явные негативные эффекты от санкционного давления. Как отмечает Н. Асеф, при благоприятных условиях экономика Афганистана могла бы превратиться в перспективное направление для российских инвестиций. Потенциал страны высок, однако его реализация напрямую зависит от способности улучшить внутренний инвестиционный климат и обеспечить базовые гарантии для внешних партнеров [1, с. 789].

Заметим, что в 2025 году, несмотря на попытки экономической реанимации и восстановления базовых институтов, Афганистан продолжает оставаться страной с высокой инвестиционной неопределенностью. Однако потенциал афганской экономики остается во многом нереализованным, а сценарий сотрудничества с Россией – носит уже не гипотетических характер. В условиях переориентации внешнеэкономической стратегии на полноценное экономическое сотрудничество с дружественными странами, Россия постепенно расширяет взаимодействие с Афганистаном. При этом сохраняется высокая степень инвестиционной осторожности, но уже наблюдается растущий интерес к точечным проектам, особенно в контексте участия Афганистана в логистических и торговых инициативах, сопряженных с формированием евразийского экономического коридора [15].

Особенностью описываемой связи между инвестициями и технологическим развитием является рост роли государства как ключевого инвестора и координатора инвестиционных потоков. Через бюджетные механизмы, институты развития, в первую очередь именно благодаря ВЭБ. РФ, Фонду национального благосостояния, Фонду развития промышленности, а также систему субсидий и гарантий создаются условия для целенаправленной передачи капитала под стратегически и технологически значимые сектора экономики.

Таким образом, современный российский инвестиционный рынок переживает значительную трансформацию, которая обусловлена необходимостью обеспечения технологического суверенитета и адаптации к новым геоэкономическим реалиям. Государственная политика, направленная на развитие внутреннего инвестиционного потенциала и создание эффективных механизмов поддержки высокотехнологичных отраслей, играет ключевую роль в формировании устойчивой экономики и обеспечении долгосрочного экономического роста.

1.3. Региональный уровень как приоритетное пространство для реализации инвестиционной политики

Существенное влияние на инвестиционный климат оказывают санкционные ограничения, которые перекрывают доступ к части зарубежных финансовых и

технологических ресурсов, что формирует необходимость поиска альтернатив. Характерным примером реального движения к технологическому суверенитету и поиску альтернативных решений в сфере промышленного инжиниринга стало внедрение в 2025 году отечественной цифровой платформой Kamotive в Республике Татарстан на предприятии ПАО «Камаз». Решение о смене западного программного обеспечения – системы Teamcenter от компании Siemens, долгое время обеспечивало жизненный цикл продукции на предприятии, – свидетельствует не только о наращивании внутренних цифровых возможностей, но и об вынужденном стратегическом развороте в сторону цифрового суверенитета. Разработка Kamotive, воплощенная в жизнь специалистами Инновационного центра ПАО «Камаз» содержит в себе тренд на полноценный переход к замещению критически значимых элементов в производственных механизмах, то есть в управлении сложными производственными и конструкторскими процессами [5]. Отметим, что подобные инициативы формируют новый инвестиционный контур, в котором приоритет отдается вложениям в разработку отечественных технологических решений, создавая при этом устойчивый спрос на региональные разработки и снижая зависимость капитала от внешних поставок и новых экономических рисков.

С целью рассмотрения текущего состояния инвестиционной активности в сфере информационных технологий и достижения технологического суверенитета представляется целесообразным рассмотреть статистические данные по Российской Федерации и Республике Татарстан, в частности. В таблице 1 представлены некоторые показатели, которые способны отразить масштабы инвестиций в ИТ-сектор и в проекты, направленные на укрепление цифрового суверенитета по состоянию на 2024 год.

Таблица 1

Инвестиции в информационные технологии (ИТ) и технологический суверенитет по России и Республике Татарстан на 2024 г.

№	Наименование показателя	Российская Федерация	Республика Татарстан
1	Объем инвестиций в основной капитал	39,533 трлн руб.	1,4 трлн руб.

2	Рост объема инвестиций к предыдущему году	+7,4%	+12,1%
3	Инвестиции в проекты, направленные на достижение технологического суверенитета	300 млрд руб.	1,5 млрд руб.
4	Инвестиции в ИТ-сектор	572 млрд руб.	20,9 млрд руб.
5	Доля ИТ-сектора в ВВП и ВРП	2,2%	3%
6	Количество ИТ-специалистов	1 млн человек	40 тыс. человек
7	Средняя зарплата ИТ-специалиста	176 тыс. руб.	114 тыс. руб.

Источник: составлено автором

Согласно представленной информации, объем инвестиций в основной капитал в России на 2024 год достиг 39,533 трлн рублей, увеличившись на 7,4% по сравнению с 2023 годом [11]. Республика Татарстан при этом демонстрирует опережающую динамику – прирост 12,1%, а совокупный объем достиг 1,4 трлн. рублей, что свидетельствует о высоком уровне инвестиционной активности региона, в том числе в рамках реализации проектов технологического развития.

Инвестиции в проекты, направленные на достижение технологического суверенитета – первоочередная задача как национальной, так и региональной экономики, так как такие проекты решают задачи по отраслевому характеру инвестиций, которые следует распределить по 12 мегапроектам [7].

Инвестиции в ИТ-сектор в России составили 572 млрд рублей, а в Татарстане – 20,9 млрд рублей. При этом Татарстан демонстрирует относительно высокую долю ИТ в валовом региональном продукте равную 3%, тогда как в среднем по стране данный показатель справедливо равен 2,2% от ВВП, что указывает на наличие большего количества цифровых решений в экономике именно Республики Татарстан [8–10].

Численность занятых в ИТ-сфере также отражает масштабы и кадровый потенциал: 1 млн. специалистов по России и 40 тыс. в Республике Татарстан, что при масштабах региона является значимым показателем. В то же время указанный официальный уровень средней заработной платы ИТ-специалистов в Татарстане ниже, чем в целом по стране 114 тысяч и 176 тысяч соответственно, что может свидетельствовать как о региональных различиях в уровне зарплат, так и о структуре занятости (доле разработчиков, системных аналитиков и т. д.) [12].

Проанализированные статистические данные из таблицы подчеркивают необходимость не сбавлять обороты институциональной и финансовой поддержки соответствующих направлении технологического развития, включая меры стимулирования частных инвестиций и развитие кадрового потенциала в исследуемых отраслях экономики.

Таким образом, региональный уровень становится ключевым пространством для реализации инвестиционной политики в условиях стремления к технологическому суверенитету. Опыт Республики Татарстан показывает, что региональные инвестиции, особенно в сферу информационных технологий и промышленного инжиниринга, позволяют не только адаптировать к внешним ограничениям, но и развивать собственный технологический базис. Внедрение отечественных цифровых решений, таким как платформа Kamotive, подтверждает тренд на импортозамещение и развитие критически важной инфраструктуры. Анализ инвестиционной активности и кадрового потенциала в ИТ-секторе на федеральном и региональном уровнях показывает, что такие регионы как Татарстан, выступают мощными площадками для реализации стратегий цифровой экономики. В этих условиях приоритетное значение приобретает развитие механизмов стимулирования частных инвестиций, поддержка человеческого капитала, что в совокупности способствует укреплению экономической безопасности государства.

Список литературы

1. Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества / Н. Асеф // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. №4. – С. 781–792. – DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-4-781-792. – EDN ZWPRUF
2. Бабаев К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток / К.В. Бабаев // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8. №2. – С. 91–110. – DOI 10.18334/asia.8.2.121012. – EDN OFBXBE

3. Ваславский Я.И. О возможностях реализации преимуществ четвертой промышленной революции в системообразовании экономики и общества / Я.И. Ваславский // Теория и практика общественного развития. – 2024. – №1 (189). – С. 77–86. – DOI 10.24158/tipor.2024.1.9. – EDN NZCBOW

4. Ваславская И.Ю. Теоретические подходы к совершенствованию инструментария мониторинга угроз экономической безопасности / И.Ю. Ваславская // Экономика и предпринимательство. – 2025. – №2 (175). – С. 476–481. – DOI 10.34925/EIP.2025.175.2.087. – EDN TJZGYK

5. Внедрение платформы в компании «КамАЗ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3MyjG3> (дата обращения: 15.05.2025).

6. Внешнеторговый оборот между регионами ПФО и КНР вырос на 7% в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/24050559> (дата обращения: 26.05.2025).

7. В правительстве предложили 12 нацпроектов технологического суверенитета. Газета «Ведомости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/03/19/1026479-v-pravitelstve-predlozhili-12-natsproektov-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 19.04.2025).

8. В РФ на поддержку технологического предпринимательства направят 180 млрд рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23270837> (дата обращения: 28.02.2025).

9. В Татарстане заявили о росте инвестиций в сферу ИКТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/22755683> (дата обращения: 15.05.2025).

10. В Татарстане выделят более ₽1,5 млрд на технологические проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3MyjJt> (дата обращения: 15.05.2025).

11. Глава Минцифры РТ: вклад ИТ-отрасли в ВРП Татарстана составляет 3% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3MyjK8> (дата обращения: 15.05.2025).

12. Инвестиции в основной капитал в России в 2024 году выросли на 7,4% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/1012581> (дата обращения: 15.05.2025).
13. Итоги 2024 года в экономике ИТ-отрасли Татарстана: отчет Минцифры РТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2377762.htm> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Кондратьев В.Б. Азия как новый центр экономической силы / В.Б. Кондратьев // Перспективы. Электронный журнал. – 2020. – №1 (21). – С. 113–132. – DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-113-132. – EDN PHGVBI
15. Ленчук Е.Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений / Е.Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2023. – №3 (77). – С. 16–24. – DOI 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24. – EDN TUQZOS
16. Международная молодежная акселерационная программа «Бизнес-инкубатор ШОС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scobusinessincubator.com/> (дата обращения: 15.05.2025).
17. Минпромторг видит перспективы в торгово-экономическом сотрудничестве с Афганистаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23956091> (дата обращения: 15.05.2025).
18. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? / А. Муратбекова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14. №4. – С. 138–160. – DOI 10.17323/1996-7845-2019-04-07. – EDN IJXYTI
19. Ракин В.И. 2024 – год завершения национального проекта «Наука» («Наука и университеты») / В.И. Ракин // Управление наукой: теория и практика. – 2025. – Т. 7. №1. – С. 29–38. – DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.2. – EDN MRKFOL

---

20. Соколов А.Б. Новые инструменты инвестиционной поддержки проектов в области технологического суверенитета / А.Б. Соколов // Мир новой экономики. – 2023. – Т. 17. №3. – С. 91–108. DOI 10.26794/2220-6469-2023-17-3-91-108. EDN GYJDAP

21. Черных С.И. Национальный проект (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации»: проблемы целеполагания и финансирования / С.И. Черных // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2023. – №2. – С. 19–38. – DOI 10.24412/2071-6435-2023-2-19-38. – EDN MOVBZO

22. Чистилин Д.К. Государственное регулирование трансграничных потоков капитала в условиях санкционных ограничений: pro et contra / Д.К. Чистилин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – №69. – С. 217–242. – EDN XYHRZR

23. Яковлев П.П. Возможности и проблемы развития торговых связей России с регионами Глобального Юга / П.П. Яковлев // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – №3 (59). С. 46–63. – DOI 10.31249/espr/2024.03.03. – EDN SODKOL

24. Vaslavskiy Y., Vaslavskaya I. The post-covid-19 future: state capability in ensuring shared prosperity // Institutions and Economies. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 27–47. DOI 10.22452/IJE.vol14no1.2. EDN LQGIKN

Ваславская Ирина Юрьевна – д-р экон. наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны, Россия.

Михалев Данил Алексеевич – аспирант, преподаватель, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны, Россия.
